

ОБЩЕСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ И МИЛИЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 г.

*Работа представлена кафедрой социально-экономических дисциплин
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. Н. Рубцов*

В статье показано, что уровень развития самоорганизации российского общества в 1917 г. не соответствовал сложности задач демократического формирования милиции как эффективно действующей правоохранительной структуры.

Ключевые слова: общественная самоорганизация, российская милиция, Иркутская губерния.

As shown in the article, the level of self-organisation in the Russian society in 1917 did not match the complexity of tasks that faced those who wanted to create militia as a law enforcement agency.

Key words: social self-organisation, Russian militia, Irkutsk Governorate.

На основе общественной самоорганизации попыталось реализовать ключевые мероприятия либеральной модернизации страны Временное правительство России после падения самодержавия в марте 1917 г. Важное место среди них занимало демократическое формирование милиции как эффективно действовавшей правоохранительной структуры. Однако достичь желаемого не удалось даже в условиях относительно стабильной социально-экономической обстановки Иркутской губернии.

Впервые о необходимости милиции Временное правительство заявило 3 марта 1917 г. Придя на смену ранее действовавшей полиции, она должна была, согласно опубликованной тогда Декларации, формироваться из представителей широких слоев населения и находиться под руководством выборных начальников, подчиненных местному самоуправлению¹. Учредив милицию, Временное правительство 17 марта 1917 г. утвердило «Временное положение о милиции», квалифицировав ее как «исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных

самоуправлений»². Уездные земские собрания и городские Думы должны были определять состав, число и оклады содержания чинов милиции, а городские и уездные земские управы – избирать и увольнять начальников милиции без определения срока службы.

Выборности милицейского начальства придавалось особое значение, поскольку от нее зависело положение милиции в системе местного самоуправления. Исходили из того, что при назначении начальников милиции центральной властью в эту систему вводилась бы «известная фигура исправника, или полицмейстера», склонного считать себя высшим представителем государства в уезде, который явно и скрытно оказывал бы соответствующее воздействие на весь ход местной жизни³.

Взаимодействие между Министерством внутренних дел и милицией на местах, согласно «Временному положению», должен был обеспечивать правительственный инспектор милиции, состоявший при губернском комиссаре. Вместе с тем руководить местной милицией и контролировать ее в полной мере правительственный инспектор

не мог, поскольку его деятельность ограничивалась главным образом наблюдательными функциями.

Зависимость милиции от местного самоуправления обуславливалась и установленным порядком ее финансирования, при котором рассчитывать нужно было не столько на государственный бюджет, сколько на суммы, отпускавшиеся городскими Думами и уездными земскими Собраниями из местных источников.

Согласно распоряжениям центральной власти, Исполнительный комитет общественных организаций г. Иркутска, будучи, как писали тогда в местных газетах, «Временным правительством на территории губернии», 12 марта 1917 г. обязал уездные комитеты создать народную милицию из представителей широких слоев населения, подчинив ее уездным комиссарам. В свою очередь, местная власть организовала в селах, волостях и уездах сходы, собрания и съезды, принявшие соответствующие решения.

Проделанная работа дала свои результаты. Уже 15 марта 1917 г. начал действовать состоявший из 40 сотрудников первый отдел городской милиции, возглавлявшийся С. Д. Ряховским⁴. Появились милиционеры и в сельской местности, правда, в целом ряде случаев – после настойчивых требований губернской власти. Например, в селе Тунка бывшие служащие полиции Российской империи продолжали выполнять свои обязанности вплоть до середины июня 1917 г., пока, как сообщали газетные хроникеры, туда не «приехал из Иркутска комиссар и растолковал, что нужно сделать и кто друг, а кто враг народа». После этого бывшего пристава немедленно («в 24 часа») выслали из Тунки, «дружно выбрав милиционером инвалида прапорщика Куркина»⁵.

Милиция должна была стать решающим фактором общественной стабильности, защищая новую власть от реакционных посягательств, а также гарантируя выполнение ее решений и защиту граждан от преступников. «Первой и самой насущной» задачей милиции Комитет общественных

организаций г. Иркутска считал «охрану завоеванных свобод от всяких покушений со стороны реакции, надзор за соблюдением порядка, спокойствия и безопасности граждан и за соблюдением требований и обязательных постановлений новой власти, противодействие всякого рода погромам и черносотенной агитации»⁶. В свою очередь, волостные самоуправления «на обязанности милиции возлагали охрану личности и имущества граждан, общественных организаций и государственных учреждений»⁷.

Однако выполнить эти обязанности милиция не могла. Местное финансирование, обусловленное децентрализованной системой управления, не только не стимулировало правоохранительную деятельность милиционеров, но и практически оставляло их без средств к существованию. Исполнительный комитет общественных организаций г. Иркутска, напоминая уездным властям о том, «что милиция должна содержаться на местные средства»⁸, уже в первые дни своего существования обратился к руководству Временного правительства и Петроградского Совета за финансовой поддержкой. Он просил разрешения использовать «все кредиты, открытые по смете Министерства внутренних дел» еще императорской России для жандармского и полицейского управлений⁹.

Согласие получили, но инфляция обесценила эти деньги. Не оправдались и расчеты на то, что местное самоуправление обеспечит изыскание «источников для покрытия большей или меньшей части расходов по охране и безопасности граждан»¹⁰. Даже Иркутская городская Дума, традиционно в финансовом отношении весьма состоятельная, не могла этого сделать. По расчетам начальника охраны города Е.Ф. Роговского, милиции ежегодно требовалось не менее 250 000 руб., в то время как Дума не располагала даже 54 000 руб., отпускавшимися ранее на содержание полиции¹¹. Вместе с тем усиливалась инфляция и, как следствие, увеличивались цены, о чем ежедневно извещал население губернии Иркутский

продовольственный комитет. В частности, к середине августа 1917 г. на 200% повысился железнодорожный тариф, в связи с чем сообщалось: «Куль муки стоил при старом тарифе 23 руб. (без мешка), при новом же тарифе 34 руб. Кроме того, за истекшее время поднялись цены и на все остальное: рабочую силу, дрова, соль, освещение и т. д.»¹². При этом невысоким оставалось денежное содержание милиционера. Его ежемесячное жалование составляло 75 руб., в то время как чернорабочему платили до 240 руб. в месяц, т. е. втрое больше¹³.

Милиция не справлялась со своими обязанностями и по другой причине. Демократизм процесса ее формирования, способствуя развитию общественно-политической инициативы широких слоев населения, порождает хаос, в результате которого, как отмечали представители местной власти, «идейная часть милиционеров тонет в массе несознательного элемента, среди которого констатируется даже факт наличия бывших уголовных преступников»¹⁴. Анализ распоряжений начальников правоохранительных учреждений Иркутской губернии показывает, что «некорректное обращение с гражданами при исполнении обязанностей службы, остроты, замечания и усмешки во время обыска и др. случаях» были очень характерны для сотрудников милиции¹⁵.

Характерным стало для них и противоправное поведение. Так, в апреле 1917 г. корреспонденты местных газет сообщали о том, что «как только была введена милиция, в городе появилась группа подростков в количестве 3 человек, которые, одев на рукава белые повязки, обходили мелкие лавочки и китайские кварталы и здесь производили обыски, причем в лавочках искали спирт, отбирали деньги, при этом самозванцами-милиционерами заявлялось – «у нас, мол, переворот, кредит на содержание еще не открыт, а поэтому по распоряжению Исполнительного комитета с вас столько-то и столько-то в месяц»¹⁶. Характерна в связи с этим реакция властей. Ее представители заявили не о том, что действитель-

ные милиционеры так не поступают, чему, вероятно, никто не поверил бы, а о том, что они иначе выглядят, поскольку «каждый милиционер, состоящий на службе, имеет особый отличительный знак» и т. д.¹⁷

На следующий день история повторилась, но теперь уже с настоящим милиционером. В газетах писали: «Днем милиционером Забайкальской ж/д Ф. Завьяловым совместно с амнистированным Г. К. Камневым и неизвестным мужчиной была подслана Кастолина купить спирту в молочной лавке на Понтонной улице в доме №13 у лавочницы А. А. Ермаковой. Когда Кастолина купила 1/20 ведра маньчжурского спирта, заплатив 12 рублей, вышла из лавки и передала ее милиционеру, то милиционер с товарищами зашли в лавку Ермаковой и, прикрыв дверь, потребовали возвращения 12 руб., полученных за спирт, а затем также под угрозой, что Ермакова будет водворена в тюрьму, 300 руб.»¹⁸. Или другой пример, относящийся уже к осени 1917 г. «Нравственным уродом оказался милиционер первого района Григорий Либа, – писали в газете «Сибирь» 26 сентября 1917 г., – Этот милиционер, не имея полномочий комиссара, произвел обыск в квартире китайца Кен-Син-Уна и, обнаружив у него около фунта опиума, потребовал взятку. Китаец, желая избежать наказания за хранение опиума, дал милиционеру 150 руб.»¹⁹.

В связи с этим неудивительно, что через месяц после начала формирования милиции в Иркутской губернии жители, обращаясь в Исполнительный комитет, писали: «Скоро ли мы дождемся хорошую милицию, как была прежде образцовая городская полиция. В настоящее время масса грабежей, убийств, поджогов и пр., между тем патрулей конных теперь нет, не мешало завести, как было прежде. Солдаты (имевшиеся милиционеры. – С. И.) все равно ничего не делают»²⁰.

Еще через месяц газеты сообщали о том, что «со всех сторон идут жалобы на бесчинства дезертиров, на конокрадов, самогонщиков», что «нужна скорейшая

организация милиции, носящая в настоящее время случайный характер, иначе мы никогда не избавимся от самосудов и кровавых расправ всем миром с нарушителями порядка»²¹. Тем не менее сложившееся положение принципиально не менялось, и соответствующих публикаций в прессе становилось все больше. Типичным являлось письмо жителей села Залари Балаганского уезда, опубликованное 10 октября 1917 г. в газете «Наша деревня». Его авторы писали: «Наряду с развитием пьянства растут хулиганства и грабежи, так что теперь у нас не только в праздники, но и в будни небезопасно пройти по улице, со стороны же милиции – полная бездеятельность и заявления о торгующих самогонкой пропускаются мимо ушей. Бог знает, когда это все кончится, надежды же на лучшее с каждым днем тают и облетают, как цветы под ветром. А про милицию даже в народе поговорки сложились: это, мол, старая шуба наыворот – была полицией, назвалась милицией»²².

Вскоре после этой публикации власть призвала население к самообороне, фактически утратив контроль над развивавшимися событиями. Иркутская городская Дума выступила с воззванием следующего содержания: «Вооруженные грабители и мародеры все еще грозят мирному населению погромами и поджогами. Немедля ни минуты граждане должны организовать самооборону. Учреждайте домовые и квартальные комитеты, вооружайтесь. Оружие будет выдаваться надежными людьми через организации. Только самодеятельность граждан, только организованное противодействие способно удерживать темные силы от разгрома города. Организуйте же квартальные и домовые комитеты»²³. Милиция противостоять «темным силам» не могла. Более того, в известном смысле она становилась их частью. Уровень развития самоорганизации российского общества в 1917 г. не соответствовал сложности задач демократического формирования милиции как эффективно действующей правоохранительной структуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баранов В. В. Организационно-правовые основы деятельности народной милиции Временного правительства России в 1917 г.: Дис. на соис. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1993. С. 49.

² Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск: ВШМ МВД РФ, 1993. С. 22.

³ Там же. С. 24.

⁴ Городская милиция // Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов. 1917. 17 марта. Л. 2.

⁵ Хроника // Сибирь. 1917. 14 июня. Л. 3.

⁶ Городская милиция // Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов. 1917. 17 марта. Л. 2.

⁷ Хроника // Известия Иркутского комитета общественных организаций. 1917. 2 мая. Л. 2.

⁸ Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-756. Оп. 1. Д. 12. Л. 130.

⁹ Телеграммы // Известия Иркутского комитета общественных организаций. 1917. 15 марта. Л. 2.

¹⁰ Муниципальная милиция // Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов. 1917. 7 апреля. Л. 2; Телеграммы // Известия Иркутского комитета общественных организаций. 1917. 15 марта. Л. 2.

¹¹ Хроника // Единение. 1917. 20 мая. Л. 3.

¹² Хроника // Сибирь. 1917. 15 августа. Л. 3.

¹³ Там же; Баранов В. В. Указ. соч. С. 83.

¹⁴ Хроника // Сибирь. 1917. 13 сентября. Л. 2.

¹⁵ Хроника // Иркутская жизнь. 1917. 3 июня. Л. 3.

¹⁶ Хроника // Сибирь. 1917. 30 апреля. Л. 3.

¹⁷ Городская милиция // Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов. 1917. 17 марта. Л. 2.

¹⁸ Хроника // Сибирь. 1917. 20 мая. Л. 2.

¹⁹ Там же. 26 сентября. Л. 2.

²⁰ Хроника // Единение. 1917. 20 мая. Л. 2.

²¹ Хроника // Наша деревня. 1917. 15 июня. Л. 1.

²² Нам пишут // Там же. 10 октября. Л. 1.

²³ Хроника // Сибирь. 1917. 24 ноября. Л. 2.